

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.5>

Ершов Артём Геннадьевич

Особенности использования образов реальных лиц в "Выбранных местах из переписки с друзьями" Н. В. Гоголя

В статье рассматриваются особенности использования Н. В. Гоголем образов реальных лиц в работе над книгой "Выбранные места из переписки с друзьями" (1847). В ходе анализа конкретных примеров введения персонажей в текст книги выделяются и описываются характерные особенности работы Гоголя с образами реальных лиц: через биографический факт или психологическую характеристику, с использованием открытого или скрытого упоминания имени, с привлечением образа исторического или частного лица. На основании проведенного исследования устанавливается тесная связь используемых Гоголем приемов с художественно-философской концепцией "нужной книги".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 25-28. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 82.09

Дата поступления рукописи: 09.01.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.5>

В статье рассматриваются особенности использования Н. В. Гоголем образов реальных лиц в работе над книгой «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). В ходе анализа конкретных примеров введения персонажей в текст книги выделяются и описываются характерные особенности работы Гоголя с образами реальных лиц: через биографический факт или психологическую характеристику, с использованием открытого или скрытого упоминания имени, с привлечением образа исторического или частного лица. На основании проведенного исследования устанавливается тесная связь используемых Гоголем приемов с художественно-философской концепцией «нужной книги».

Ключевые слова и фразы: Н. В. Гоголь; персонаж; художественный образ; документальное начало; гоголевская эстетика 1840-х гг.; «Выбранные места из переписки с друзьями».

Ершов Артём Геннадьевич

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
cypress277@gmail.com*

Особенности использования образов реальных лиц в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя

Актуальность статьи обусловлена тем, что «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя до сих пор остаются малоизученным произведением по сравнению с другими сочинениями писателя. Основная заслуга дореволюционного гоголеведения заключалась в издании текстов писателя (Н. С. Тихонравов), публикации его писем (П. А. Кулиш, В. И. Шенрок) и в накоплении биографического материала (многочисленные публикации мемуаров о Гоголе). Все это – необходимые источники для любого исследователя гоголевского творчества. Советское же гоголеведение в своей оценке «Выбранных мест...» всецело ориентировалось на знаменитое письмо В. Г. Белинского [2, с. 238-239]. Это и предопределило практически полное выпадение книги из сферы внимания отечественных литературоведов. Рассмотрение же как ранних, так и поздних произведений Гоголя в контексте его духовных воззрений происходило в трудах ученых-эмигрантов (К. В. Мочульский [8], прот. В. В. Зеньковский [5] и др.), опубликованных в России лишь в последние годы. Однако как в трудах эмигрантов, так и в исследованиях советских и российских ученых недостаточно внимания уделяется проблеме документального начала в гоголевской книге. **Научная новизна** исследования, таким образом, состоит в том, что предметом анализа становится не содержательная (включающая в себя философские взгляды, социальные и политические воззрения Гоголя), а формальная сторона произведения.

Переживая духовный и творческий кризис, Гоголь приходит к мысли о необходимости создания *новой эстетики*, воплощением которой должна стать книга, принципиально отличная от всего предшествующего творчества автора. Разуверение в возможностях художественного творчества способствовать «духовному образованию» читателя приводит Гоголя к усилению документального начала в «Выбранных местах...», в частности на персонажном уровне. В связи с этим **цель** настоящего исследования – выявить особенности использования автором образов реальных лиц в качестве персонажей «Выбранных мест...» и определить, как с помощью данных приемов реализуется гоголевская концепция «нужной книги». Для достижения этой цели предполагается решение следующих **задач**: определить, что представляет собой персонаж «Выбранных мест...» как таковой, выявить общие особенности всех персонажей книги; разделить персонажей, появляющихся в основном тексте глав-писем, и персонажей, появляющихся в качестве их адресатов; проанализировать конкретные примеры использования образов реальных лиц в качестве персонажей книги и адресатов глав-писем, выявляя определенные особенности, характерные для той или иной группы примеров; определить, как соотносится тот или иной способ использования образов реальных лиц с гоголевской концепцией «нужной книги».

Персонаж в «Выбранных местах...» предстает, с одной стороны, как *характер*, описанный зачастую с психологической и биографической точностью, а с другой – как *художественный образ*, воплощающий данный характер с той или иной степенью эстетического совершенства. Именно свое понимание, оценку характеров писатель и передает читателю, *домысливая и изменяя прототипы* (даже если это исторические лица), *конструируя* персонажей своей книги. Таким образом, можно сказать, что персонажи «Выбранных мест из переписки с друзьями» представляют собой *творчески переосмысленные характеры, художественные образы*, призванные с большей наглядностью проиллюстрировать авторскую мысль и служащие для воплощения гоголевской концепции книги. В процессе работы над «Выбранными местами...» Гоголь использует разные способы введения образов реальных лиц в текст – рассмотрим их на конкретных примерах.

В книге встречаются как *сквозные персонажи*, образы которых возникают в разных главах, так и персонажи, *однократно упомянутые*. К последним относится и персонаж первой главы – художник Иорданов. Уже в «Завещании» Гоголь описывает реальную биографическую ситуацию, связанную с использованием своего портрета в журнальных публикациях без согласования с самим писателем. Важно заметить здесь, что автор вводит персонажа в главу не через указание имени, а через *биографический факт* («Художник

этот уже *несколько лет трудится в Риме* над гравированием бессмертной картины Рафаэля “Преображение господне” (здесь и далее в цитатах курсив автора статьи. – А. Е.)» [3, с. 223]) и следующую за ним *психологическую характеристику* («Он *всем пожертвовал для труда своего*, – труда убийственного, пожирающего годы и здоровье, и с *таким совершенством исполнил свое дело*, подходящее ныне к концу, с каким не исполнял еще ни один из граверов» [Там же]). Двумя краткими, но емкими фразами, помещенными между фрагментами, описывающими обстоятельства неправомерного использования гоголевского портрета, автору удается создать достаточно точный образ, включающий в себя указание на род занятий персонажа, его местопребывание и не менее важную характеристику, данную через изображение отношения Иордана к своему труду, придающую данному персонажу ассоциативную связь не только с другим важным персонажем книги – художником А. А. Ивановым, – но и с самим Гоголем, чей труд над «Выбранными местами...», несомненно, также требовал жертв и совершенного исполнения, о чем сам автор говорит в Предисловии и «Завещании». Точное указание работы, над которой трудится художник, представляет собой своеобразную подсказку, по которой сведущий читатель смог бы безошибочно определить личность персонажа, описываемого Гоголем. Само имя персонажа, прототипом которого со всей очевидностью является профессор Императорской академии художеств Федор Иванович Иордан (1800-1883), появляется в главе в искаженном виде, когда автор просит своих читателей покупать лишь тот портрет, на котором будет выставлено: «Гравировал Иорданов», – либо вовсе вместо портрета приобретать эстамп «Преображения Господня» работы художника.

Представляется, что описание первого персонажа книги неслучайно содержит столь точные фактические данные, позволяющие провести безошибочную ассоциацию между «Иордановым» и Иорданом. И художник, и эстамп, упоминаемые в «Завещании», представляли собой факт объективной реальности, и читатель, окончив чтение, мог в действительности приобрести работу художника, о котором прочитал в книге. «Иорданов» не является адресатом какого-либо из писем «Выбранных мест...», он не упоминается более ни в одной главе, но он нужен Гоголю здесь, в предваряющем письма «Завещании», чтобы еще раз заявить читателю: все явления, описываемые в этой книге, суть факты объективной реальности, а не творческий вымысел, – и запрограммировать таким образом читательское восприятие в русле *документализма*, которым, однако, книга отнюдь не ограничивается. Усиливая документальную природу книги, Гоголь стремится показать, что, по-прежнему оставаясь писателем, тем не менее представляет на суд читателей не художественное произведение, являющееся плодом творческого воображения автора, а напротив, свои *действительные мысли и рассуждения*, свою искреннюю *исповедь*, к тому же изначально направленную не широкому кругу читателей, а конкретным частным лицам (на что указывает избранная автором эпистолярная форма). Такое понимание сущности гоголевской книги коррелирует с его идеей о познании души («Душу и душу нужно знать теперь, а без этого не сделать ничего» [Там же, с. 351]), еще раз отсылая к мысли о том, что анализ духовного опыта ближнего может стать основой собственного духовного опыта человека и направить его к *самопознанию и нравственному самосовершенствованию*.

Помимо персонажей, имеющих прямое указание имени, встречаются в книге еще и такие, чьи имена *скрыты* автором, – сделано это, однако, таким образом, что, исходя из контекста, внимательный читатель может восстановить имя персонажа или адресата того или иного письма. Так, например, в письме IV «О том, что такое слово» несколько раз упоминается персонаж, имя которого скрыто отточием: «Приятель наш П.....н». Дальнейшее описание, данное автором («...имеет обыкновение, отрывши какие ни попало строки известного писателя, тот же час их тиснуть в *свой журнал*... Он скрепляет это дело известной оговоркой *журналистов*...» [Там же, с. 231]), позволяет без особого труда распознать в персонаже Михаила Петровича Погодина (1800-1875), русского историка, публициста, писателя и издателя (соответственно, речь в письме идет о журнале «Москвитянин»). Для современников Гоголя это имя тоже не стало тайной: так, С. Т. Аксаков по прочтении «Выбранных мест...» сообщает Гоголю в письме от 27 января 1847 года о своем оскорблении и раздражении «злыми выходками против Погодина», которого Гоголь «называл другом» [9, с. 81].

В других случаях, когда персонажем книги становится современник автора, его имя указывается *открыто*: например, прямо указываются имена В. А. Жуковского и А. А. Иванова, в главе XIII несколько раз упомянут М. П. Погодин, чье имя было скрыто Гоголем в главе, содержащей критические высказывания в его адрес. Исторические и уже умершие на момент написания книги личности, ставшие ее персонажами, также упоминаются открыто: таковы, например, Державин, Карамзин, Ломоносов, Пушкин, Петр I и другие. Таким образом создается культурно-исторический фон повествования, призванный, как и в любом художественном произведении (ср., например, упоминание Пушкина в «Ревизоре» или использование образа Екатерины II в «Капитанской дочке»), вызвать у читателя ощущение реальности описываемых событий, т.е. усилить документальное начало текста.

Помимо персонажей, упоминаемых в основном тексте книги, в «Выбранных местах...» могут быть также выделены персонажи, вводимые Гоголем в текст в качестве *адресатов* глав-писем. Примечательно, что подавляющее большинство из них также основано на образах реальных лиц. Имена этих адресатов, если они указаны автором, *всегда скрыты отточием*, однако данная мера во многих случаях также является формальной: к примеру, читатель без труда может понять, что адресатом писем VII «Об Одиссее, переводимой Жуковским» и XIII «Карамзин» является поэт Н. М. Языков (письмо адресовано «Н. М. Я.....ву»), а адресатом письма X «О лиризме наших поэтов» – В. А. Жуковский (письмо адресовано «В. А. Ж.....му»). Сегодня установлены адресаты почти всех глав-писем [4, с. 552-615], среди которых наиболее часто встречаются граф А. П. Толстой, А. О. Смирнова, граф М. Ю. Вельгорский и графиня Л. К. Вельгорская, имена которых указаны автором с отточиями, но с приведением инициалов, позволяющих распознать имена с известной точностью

и безошибочностью. Думается, что, скрывая имена адресатов и некоторых персонажей книги, Гоголь намеренно делает это *с максимальной простотой*: в большинстве случаев он использует не одну только первую букву фамилии, по которой было бы довольно трудно разгадать имя адресата, но добавляет также последние буквы (причем дательный падеж формулы «Письмо к...» позволяет определить еще и *пол* адресата) и инициалы, упрощая таким образом «разгадывание» скрытых имен. Следует полагать, что автор поступает совершенно сознательно, и такая простота «шифровки» нацелена на быстрое «разгадывание» имен читателем и на создание у того *ощущения реальности писем*, поскольку их адресатами оказываются, например, известные поэты-современники.

Несколько сложнее обстоит дело с главами-письмами, не имеющими прямого авторского указания на адресата. Однако и здесь автор дает внимательному читателю шанс распознать неназванные имена.

Рассмотрим, например, главу XXVII «Близорукому приятелю». Упоминания истории и публицистики, а также желания адресата стать государственным мужем вновь наводят на мысль о М. П. Погодине, историке и публицисте, действительно стремившемся занять должность при министре народного просвещения С. С. Уварове. Проверить эту теорию можно, обратившись к уже рассмотренной выше главе IV «О том, что такое слово». Вот что пишет Гоголь о работе Погодина в «Москвитянине»: «Какой-нибудь мелкий читатель останется благодарен; но потомство плюнет на эти драгоценные строки [которые Погодин “тиснул в свой журнал, не взвесив хорошенько, к чести ли <автора> оно, или к бесчестью его”]» [3, с. 231]. А вот автор отчитывает адресата письма XXVII: «И до сих пор еще, к нашему стыду, указывают нам европейцы на своих великих людей... но те хоть какое-нибудь оставили после себя дело прочное, а мы производим кучи дел и все, как пыль, сметаются они с земли вместе с нами» [Там же, с. 348]. Если в этих строках параллель может показаться неявной, то в дальнейшем тексте письма XXVII появляются прямые отсылки к словам о Погодине из письма IV: «Тридцать лет *работал и хлопотал, как муравей, этот человек*, торопясь всю жизнь свою передать поскорей в руки всем все, что ни находил на пользу просвещения и образования русского... И ни один человек не сказал ему спасибо» [Там же, с. 231]. Гоголь обращается к «близорукому приятелю»: «...ты стремишься изо всех сил быть похожим на тех государственных людей, которые скоро блеснули и скоро исчезли, которые имели в себе все для того, чтобы сделать множество добра, которые даже пламенели желаньем сделать добро, *даже работали, как муравьи, всю свою жизнь*, и при всем том не осталось после них никакого следа, и самая память о них позабыта» [Там же, с. 348]. Не только конкретное сравнение, но и самая суть высказываемой автором мысли повторяется в двух главах-письмах. Еще одним подтверждением является следующая пара цитат. Гоголь о Погодине: «И тогда *с самым чистейшим желаньем добра можно произвести зло*. Тот же наш приятель П...н тому порука» [Там же, с. 231]; Гоголь – «близорукому приятелю»: «Нет не сделаешь ты добра на своей должности, хотя и *желаешь того*; не принесут твои дела того плода, которого ждешь. *С прекрасными намереньями можно сделать зло*, как уже многие и сделали его» [Там же, с. 347]. Таким образом, в процессе чтения главы XXVII параллели с главой IV становятся все более и более очевидными, и уже само заглавие «Близорукому приятелю» (которое является косвенным указанием на адресата и соотвечствует используемой в книге формуле «Письмо к...») начинает коррелировать с «*приятель наш П...н*», со всей очевидностью подсказывая читателю имя неназванного адресата главы-письма XXVII.

Поскольку Гоголь включил в книгу не реальные письма, а тексты, в значительной степени переработанные с целью их соответствия авторской концепции, можно предположить, что и текст главы XXVII был намеренно создан автором с опорой на главу IV; что *прямые и косвенные цитаты* из более раннего по содержанию книги письма обнаруживаются в нем *не случайно*, а включены в текст для того, чтобы читатель смог соотнести неназванного адресата главы XXVII с легко «разгадываемым» (особенно с привлечением контекста письма) персонажем главы IV – «П[огоди]ным». Читатель, угадавший Погодина по контексту обращенного к тому письма, должен был, во-первых, который раз укрепиться в мысли о том, что перед ним – *реальная переписка Гоголя с различными лицами*, а во-вторых, *убедиться в искренности автора*, поскольку мысли, высказываемые Гоголем о Погодине в разговоре с третьим лицом, не отличаются от тех мыслей, которые Гоголь высказывает Погодину напрямую как адресату.

Помимо адресатов-деятелей искусств, в письмах к которым автор уделяет внимание преимущественно вопросам эстетики и художественного творчества, в книге также представлены адресаты, неизвестные широкому кругу читателей, *частные лица*, к которым автор обращается с советами бытового и личного характера.

В контексте соответствующих писем важно не имя адресата, а его *социальная роль*. Например, вторая глава книги носит название «Женщина в свете» и адресована «...ой». Такое обозначение адресата не дает читателю никакой информации о его личности, но параллельно названию указывает на *пол* адресата, который представляется особенно важным в контексте данного письма.

«Вы думаете, что никакого влияния на общество иметь не можете; я думаю напротив. *Влияние женщины может быть очень велико* именно теперь...» [Там же, с. 224], – этими словами начинается глава-письмо. Однако от в известной степени абстрактного, универсального утверждения автор довольно скоро переходит к обсуждению вопросов личного характера, вступая в активный диалог с адресатом, «отвечая» на полученное от него прежде письмо. Таким образом Гоголь одновременно развивает тему главы и вместе с тем реализует концепцию книги, демонстрируя читателю *реальность* адресата через *детальное изображение его быта, окружения*, через его *психологию*, просвечивающую в цитатах из предыдущего письма»: «Вы говорите, зачем вы не мать семейства, чтобы исполнять обязанности матери, которые вам представляются теперь так ясно; зачем не расстроено ваше мнение, чтобы заставить вас ехать в деревню, быть помещицей и заниматься хозяйством; зачем ваш муж не занят какой-нибудь общепользуемой трудной должностью, чтобы вам хоть

здесь ему помогать и быть силой, его освежающей, и зачем, вместо всего этого, предстоят вам одни пустые выезды в свет и пустое, выдохшееся светское общество, которое теперь вам кажется безлюднее самого безлюдья» [Там же, с. 225]. У главы-письма нет конкретного установленного адресата [1, с. 74-77], а некоторые из высказываемых автором мыслей звучат в гоголевских письмах разным корреспондентам 1844-1846 гг., но Гоголь намеренно объединяет их в *единый текст*, создавая для него *единого адресата* со своей историей и продуманной психологической характеристикой. Из сравнительно короткого письма, а точнее – почти из одного только приведенного выше фрагмента читатель получает достаточно сведений, чтобы нарисовать в своем воображении портрет «женщины в свете»: молодая женщина, жена, но не мать, владеющая имением, регулярно выезжающая в свет, но при этом считающая таковое времяпрепровождение пустым. Кроме того, автор прямо говорит о внешней красоте и душевной чистоте, невинности адресата.

Следует полагать, что такой детальный, живой портрет нужен Гоголю для создания у читателя ощущения *реальности адресата*, его душевных метаний, а, стало быть, и в реальности, *искренности* тех советов, которые автор дает «женщине в свете». В самом деле, свое мнение о влиянии женщины на общество Гоголь мог высказать и в более абстрактной, «безличной» форме, к примеру, публицистической статьи, однако таковая форма не удовлетворила бы *гоголевской концепции книги*: только *живое слово* человека, искренне жаждущего помочь ближнему, откликающегося на его метания душевным советом, может быть воспринято читателем как *честное*, даже как обращенное *лично* к нему и, стало быть, способствующее его, читателя, духовному самопознанию и совершенствованию. Именно поэтому Гоголь избирает для поставленной цели форму «письма» и всячески настаивает на действительности, реальности представленных в книге писем и их адресатов.

В задачи исследования не входит детальный анализ всех глав-писем книги, а потому мы ограничиваемся здесь примером главы II «Женщина в свете»; при необходимости описанные выше особенности «писем к частным лицам» и их адресатов могут быть выделены и в других главах-письмах соответствующей адресации (XXI «Что такое губернаторша», XXII «Русской помещик», XXIV «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России»).

Проведенный анализ наглядно демонстрирует разнообразие используемых Гоголем способов введения в текст книги персонажей, основанных на образах реальных лиц. При этом следует сделать **вывод** о том, что каждый из этих способов, независимо от того, появляется ли имя персонажа в тексте или в названии главы, скрыто ли оно отточием или приведено полностью, отсылает ли к историческому лицу (деятелю культуры, правителю) или к лицу частному, используется Гоголем в рамках концепции «нужной книги» с целью *усиления документального и исповедального начал* произведения.

Список источников

1. Барабаш Ю. Я. Гоголь. Загадка «Прощальной повести» («Выбранные места из переписки с друзьями»). Опыт непредвзятого прочтения. М.: Художественная литература, 1993. 269 с.
2. Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 8. 783 с.
3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. Статьи. 1952. 816 с.
4. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17-ти т. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 6. Выбранные места из переписки с друзьями. 744 с.
5. Зеньковский В. Гоголь. М.: РИФ Школа «Слово», 1997. 224 с.
6. Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 704 с.
7. Манн Ю. В. Гоголь. Книга третья. Завершение пути: 1845-1852. М.: РГГУ, 2013. 497 с.
8. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 608 с.
9. Переписка Н. В. Гоголя: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. 527 с.

Specificity of Using Real Personages' Images in N. V. Gogol's "Selected Passages from Correspondence with Friends"

Ershov Artem Gennad'evich

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
cypress277@gmail.com

The article examines specificity of using real personages' images in N. V. Gogol's book "Selected Passages from Correspondence with Friends" (1847). By concrete examples, the researcher identifies and describes Gogol's techniques to introduce real personages' images: biographical fact or psychological characteristic, explicit or implicit mentioning, referring to the image of a historical personage or a private person. Relying on the findings, the paper ascertains close relation of Gogol's artistic techniques and the artistic and philosophical conception of the "right book".

Key words and phrases: N. V. Gogol; personage; artistic image; documentary element; Gogol's aesthetics of the 1840s; "Selected Passages from Correspondence with Friends".